

Кое-что помимо собственных стихов

Судьба испытывала его, бросая из-за парты десятого класса под артобстрелы на краю Европы; из промерзшего окопа в жаркую московскую кухню, в "животное тепло домашнего уюта". Судьба испытывала его славой: лауреат Госпремии СССР, член-корреспондент Парижской академии Малларме, он мог поразить собеседника одним только перечнем главных сборников — около ста двадцати. Однако фамилия их автора не фигурирует в списке писателей XX века, рекомендованном к изучению студентами Литинститута. В конце 80-х его публикации исчезли из периодики, хотя поэт писал до последнего дня...

Он появился на свет в 25-м, в разгар борьбы за женское равноправие. Мать, Евгения Матвеевна Винокурова, заведовавшая женотделом на Бежицком заводе, не только дала сыну собственное имя, но и записала его на свою фамилию.

В числе первых воспоминаний Винокурова — выданная в детском саду справка, которую он любил цитировать: "Женя Винокуров. Пять лет. Сенсорно-пространственная ориентировка в пределах возраста. Осведомленность в политико-социальных явлениях хорошая. Активен. Инициативен."

До войны Евгения Матвеевна занимала пост первого секретаря Советского райкома партии. Эта работа сделала ее суровой, молчаливой и совершенно седой. В отце, военном человеке, жило "сочетание блаженной кротости и свирепого фанатизма". От крайностей идеологизированного мышления Женю, по-видимому, спасло то обстоятельство, что он рос предоставленным самому себе.

Живя в "столичной столице" — на Арбате, сохранившем в своих закоулках и каморках живительное дыхание Серебряного века, Женя ходил в школу по Сивцеву Вражку, воспетому Белым и Гершензоном, "учился неважно, много читал, уже писал стихи. Брюсов, Анненский, Блок, Северянин, Пастернак... настраивали не в лад с предвоенной эпохой, располагали к мечтательности, рассе-

янности, отвлеченности и утонченности"... Умение жить не в лад с эпохой поразительно для подростка, который в пять лет был "Активен. Инициативен". На семинарах в Литинституте Винокуров иногда с улыбкой вспоминал юношеское посвящение Евтушенко Сталину: "Мой лучший друг живет в Кремле". Делал он это без намерения выделить в двоимыслии известного своими демократическими убеждениями поэта, понимая, что молодость должна переболеть иллюзиями. Но сам Винокуров достаточно рано выработал к ним иммунитет.

Вероятно, этот иммунитет был подкреплен событиями войны, научившей доверять малым и угадывать за зримой канвой событий скрытую от глаз метафизику бытия. Воевать он начал в Польше восемнадцатилетним командиром батареи, а закончил за несколько месяцев до своего двадцатилетия в Силезии, в городке Обер-Глогау. Еще не были убраны трупы, "руины производили какое-то не земное, а марсианское впечатление".

Изалюбленный прием Винокурова: начать с какого-нибудь пустячка, с вращения лимона ложечкой в стакане чая и незаметно поставить читателя лицом к лицу с "миром вечности, полетом времен":

**Я чую, где-то по орбитам
Мы в беспредельности
летим.**

**О, если б воспарить
над бытом,
Подняться бы, восстать
над ним!
И выйти на вселенский
стержень,
И в беспредельности
кружить,
Где в воздухе, что так
разрежен,
Нельзя дышать, но можно
жить.**

Стихотворение помечено 1962 годом. Тридцать лет спустя поэт вернется к теме "беспредельности":

**Хотя дано Адаму было тело,
Хотя земная плоткость
хороша,
Но голубая вечность
без предела —
и в беспредельности
тянется душа.**

"Беспредельность" — название книги, вышедшей из-под пера Е. Рерих в 30-м году. В 60-х она была недоступна и издана в России недавно. Могу поручиться, что Винокуров ее не читал, хотя писал о том же. Поэт иногда знает такое, о чем ему никто не мог бы рассказать.

Евгений Винокуров был одним из немногих писателей, которые не только взяли у литературы свое, но и оставили ей взамен кое-что помимо собственных произведений. Его страсть вводить в литературу талантливых людей общеизвестна. После войны на Тверском бульваре в шинельке на голую грудь торговал папиросами никому неизвестный Эма Мандель. С тех времен Винокуров помнил его парадоксальные стихи о весне в тоталитарном государстве: "А я бродил в черемухе, как в дыме, и мне тогда хотелось стать врагом". Написавший эти строки в 1947 году был репрессирован, провел восемь месяцев на Лубянке и годы в сибирской ссылке. Винокуров помог ему выпустить первую книгу, был ее редактором и ав-

тором литературного псевдонима, под которым известен миру этот поэт. Речь идет о Науме Коржавине.

В последние годы Винокуров был очень одинок. Разрыв с женой, изнурительная болезнь, отъезд семьи дочери за границу. Образовавшуюся пустоту отчасти заполняли преподавание в Литинституте. Когда он уже больше не мог приезжать на семинары, мы собирались у него на Смоленский, в доме с башенкой. Читали стихи, общались, приносили лекарства, перепечатавали и пристраивали по своим каналам его рукописи. В течение двух февральских недель 1992 г. Евгений Михайлович написал около шестидесяти стихотворений. А за день до смерти был вынужден обивать пороги учреждений, собирая справки для приватизации жилья.

На литинститутском вечере памяти Винокурова побывал Константин Ваншенкин. Он вынес отсюда убеждение, что поэт не вырастил того восприимчика, о котором мечтал в известном стихотворении "Художник, воспитай ученика...", и что его студенты даже отдаленно не представляли себе, с личностью какого масштаба они имели дело. Это несправедливое обвинение. Когда-то Жуковский адресовал Пушкину надпись: "Победителю ученику от побежденного учителя". Винокуров видел в ней известную долю лукавства: "В поэзии учитель не может быть побежден. Поэзия — то поле деятельности, где, в сущности, нет побежденных, и поэт торжествует победу тогда, когда узнает в новом поэте нечто свое".

Винокуров трепетно относился к Библии, писал произведения на ее сюжеты. Хвалил мои стихи на сходные темы. Потом спохватывался, шел на попятную: "Какие-то они все у

вас ровные, хочется, чтобы были не только взлеты, но и спады тоже". Я оправдывалась тем, что читала ему лучшее из написанного. "Значит, слабые стихи все-таки есть? Ну тогда я за вас спокоен!" — заметно оживляясь учитель. В последнем интервью он назвал меня Мастером. Именно так — с большой буквы — он проносил и писал это слово. Редактор, правивший текст уже после его смерти, по-видимому, считал такую похвалу непедагогичной, и из публикации она выпала. Думаю, Винокуров сказал так, потому, что узнал в моих стихах — свое. Так же, как и в поэзии Дмитрия Домбровского, Ивана Белокрылова, Сергея Глобука, Игоря Ядыкина, Александра Эйдинова, Александры Бодровой — всех, кто осиротел с его уходом и кого он мог бы ввести в литературу, если бы ему было отведено на это время.

Ирина КОВАЛЕВА.

Евг.ВИНОКУРОВ

Старость

**Старик живет, не замечая,
что он безмерно одинок...**

Что надо утром?

Чашка чая, —

**да в путь,
была бы пара ног!..**

**Он вроде не переживает
на сорочке, сев бочком,
он пуговицу пришивает,
как будто бы ведет**

смычком.

**Он вверх рукою нитку тянет.
Откусил, пав головой на**

грудь...

Приляжет.

**Алфавит достанет,
начнет звонить**

кому-нибудь...

Но тыча вилкой в рыбу,

тужась,

старик, в чужой семье,

в гостях

почует вдрут, —

**и хлынет ужас,
как одинок он,
холостяк...**

x x x

1992 г.

**Хотя дано Адаму было тело,
хотя земная плоткость
хороша,**

**но голубая вечность
без предела, —
и в беспредельности
тянется
душа...**

**Хотя,
земную чашу подымая,
придя с нелегкой пахоты,
Адам
уже совсем забыть не может**

Рая

**и как в блаженстве жил
когда-то там.**

**И хоть ночами спит, сопя,
на ложе**

**и за сохою ковыляет днем,
Адам о небе позабывать
не может,
и голубая вечность**

**где-то
в нем...**

1992 г.

